

Книжная полка

**К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ И СТРУКТУРЕ
НАУКИ О КНИГЕ¹**

М.В. Рац

Институт развития им. Г.П. Щедровицкого

Аннотация: *Статья посвящена уточнению и развёртыванию существующих представлений о книговедении, его составе и структуре, с точки зрения деятельностного подхода и современной методологии науки.*

Ключевые слова: *деятельностный подход, наука о книге, книговедение, библиографирование, социология чтения, собирательство, библиофилия.*

В 1931 г. А.Г. Фомин сформулировал восемь вопросов, стоявших на повестке дня книговедения, в связи с которыми было бы полезно вспомнить известную историю с проблемами Д. Гилберта в математике². Действительно, выделенные Фоминым вопросы остаются дискуссионными и в начале XXI века, причем важное место среди них занимают вопросы о составе и структуре книговедения, а также о его месте в системе наук. На мой взгляд, эти дискуссии имеют значение, выходящее далеко за рамки интересов академического сообщества. Оно выходит и за рамки науки о книге, ибо связано с вопросами более общего методологического характера.

1.

Когда мы говорим о составе и структуре науки о книге, речь идет фактически об институциональной форме организации научного обеспечения практической деятельности самого разного толка, связанной с книгой: от ее создания до использования. Сообразно ряду указанных практик формируются и обеспечивающие их научные дисциплины, объединяемые идеей «комплексной науки о книге».

Складывающаяся таким образом наука интересна мне в двух отношениях. Во-первых, своим содержанием: **как наука о книге, безусловно, она — один из столпов нашей цивили-**

¹Впервые опубликовано в сб. «Книга. Исследования и материалы». — М.: 2009, сб.1/1-II. К сожалению, в эту публикацию вкралась ошибка, первая из которых (см. ниже) совершенно чудовищна: обычная квалификация книги как одного из столпов нашей цивилизации оказалась переадресованной книговедению. Восстанавливая здесь и далее авторскую редакцию, я выделил исправленные места жирным шрифтом.

²Фомин А.Г. Книговедение как наука: история и современное состояние. — Л.: 1931. — С. 114. В 1900 г. великий математик Д. Гилберт предложил участникам математического конгресса в Париже 23 проблемы, решение которых (а некоторые из них не решены до сих пор) во многом определило развитие математики в XX веке.

лизации. Этот интерес подогревается тем, что вся моя жизнь прошла среди книг, и библиофильство, поистине, было моей второй профессией. Попытки осмыслить эти занятия привели меня к обсуждению вопросов, традиционно входящих в сферу интересов профессионалов книжного дела³. Во-вторых, методологические вопросы, стоящие перед книговедением, носят общий характер. При ближайшем рассмотрении книговедение оказывается типичным представителем целого ряда наук об «искусственном», центрирующихся на изучении артефактов: от искусство- и науковедения до машино- или материаловедения⁴. В этом качестве оно интересно мне в рамках опыта специальных занятий методологией науки.

Необходимо, однако, терминологическое уточнение. Включаясь в дискуссию, центральным вопросом которой на современном этапе **видится** «вопрос о соотношении книговедения, библиотековедения и библиографоведения», и **не решен даже вопрос о наименовании гипотетической (!) комплексной науки**⁵, приходится хотя бы для начала отказаться от, казалось бы, устоявшейся в России и принятой в словарях и энциклопедиях (в частности, энциклопедии «Книга») терминологии. Тем не менее, для удобства изложения я буду пользоваться *именем* «книговедение» как синонимом «науки о книге» (в запасе остается еще латинский вариант книговедения — библиология), оставляя открытым вопрос о его/ее содержании, прояснение которого оказывается задачей настоящей статьи. При этом я буду, конечно, учитывать и то обстоятельство, что значения терминов меняются, как и содержания обозначаемых ими понятий, что было недавно артикулировано применительно к нашей теме Н.К. Леликовой⁶.

Вообще с методологической точки зрения, самоопределяясь в дискуссиях, подобных обсуждению науки о книге, приходится учитывать две стороны дела. Одна из них детерминирована традиционным для науки стремлением к истине и связана с попытками выяснить, каков статус, состав и структура науки «на самом деле», как они сложились в ходе истории. Вторая связана с соображениями практической пользы, выливающимися в проектные представления, реализация которых обеспечивала бы наиболее эффективное решение стоящих перед наукой задач. Совместный учет этих двух сторон («естественной» и «искусственной») — одна из важнейших характеристик деятельностного подхода в версии Московского методологического кружка (ММК)⁷, которой я стараюсь придерживаться. Вместе с тем сказанное хорошо укладывается и в такое направление исторической мысли, как история понятий. Соответствующий тезис четко сформулирован далеким от ММК Н. Копосовым: понятия только с одной стороны, обобщают наличный опыт, а с другой — «предполагают некоторую нормативность, своего рода проект будущего», причем в новейшее время роль этой нормативной составляющей заметно выросла⁸. Теперь вторую сторону дела можно связать еще и с новым, так называемым прагматическим поворотом в социогуманитарных науках.

Я, кстати, не думаю, что, как это пишет Н.К. Леликова⁹, уже во времена Н.М. Лисовского, А.М. Ловягина и Н.А. Рубакина «комплекс книговедческих дисциплин приобрел вид целенаправленно формируемой системы», и это стало их новой парадигмой. Традиции натура-

³Рац М.В. О собирательстве: заметки библиофила. — М.: 2002. Он же. Книга в системе общения. Изд. второе, исправленное. — М.: 2006.

⁴Недаром они часто объединяются и общей структурой наименований — «чего-то -ведений».

⁵Ленский Б.В. Так достигнуто ли единство? Книга. Исслед. и материалы. — 2008, сб. 89/I-II. — С. 314—315.

⁶Леликова Н.К. Наука о книге в России, или к вопросу о методологии исторических исследований. Книга. Исследования и материалы, — 2007, сб. 86/I. — С. 67—88.

⁷Об ММК см.: Познающее мышление и социальное действие: наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли. — М., 2004. О деятельностном подходе: Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейностного подходов // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. — М., 1995.

⁸Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI-XX века. — СПб, 2006. — С. 17—18.

⁹Леликова Н.К. Ук. соч. — С. 78.

лизма еще и сейчас очень сильны, и в них есть свой резон: мы отнюдь не вольны строить научные дисциплины и их комплексы исключительно по своему усмотрению, число провалов на этом пути много больше числа успешных проектов¹⁰. Применительно к современной ситуации мне кажется более реалистичной точка зрения М.П. Ельникова, который пишет как раз о дефиците целей в науке о книге, о том, что «многие теоретические разработки не имеют ни конкретного адреса, ни точек приложения» в практике¹¹.

Для понимания всего дальнейшего наряду с указанными контекстами необходимо представление об объектно- и деятельностно-ориентированных исследованиях. Это различие ввел тридцать лет назад Г.П. Щедровицкий¹². В двух словах речь шла о том, что необходимые знания для ставившихся в те поры во главу угла производственных процессов вырабатывают привычные для нас объектно-ориентированные науки (физика, химия и т.п.). Но для того, чтобы производство успешно шло, воспроизводилось и развивалось, над ним должна существовать особая организационно-управленческая надстройка. В отличие от производственников организаторам и управленцам специальные знания по физике или химии не нужны: они управляют различными системами деятельности, а деятельность живет по совсем иным законам, чем более привычные для нас объекты. Такие характерные для деятельности образования, как цели, средства, нормы, проекты и т.п. имеют мало общего с жидкостями или твердыми телами, звездами или молекулами. Знания, необходимые организаторам и управленцам, вырабатываются в ходе соответствующих деятельностно-ориентированных исследований. Можно добавить: такие знания нужны не только управленцам, но также предпринимателям, политикам, педагогам и, как мы увидим, много кому еще.

На первый взгляд, может показаться, что подобная типология совпадает с классическим делением на естественные и социогуманитарные науки (науки о природе и науки о духе, или культуре). Но это поверхностный взгляд. На самом деле речь идет об имеющей глубокие философские корни мощной инновационной идее, все значение которой мы до конца не осознаем и теперь. Среди прочего расхождение объектных полей социогуманитарных наук и деятельностно-ориентированных исследований может и должно стать одним из стимулов развития всей сферы гуманитарного знания. Среди многого прочего сказанное позволяет по-новому взглянуть на структуру и содержание книго- и прочих ведений.

2.

Все лишь частично названные выше науки, центрируясь на некоторых артефактах — будь то живописные произведения, машины и механизмы или наука и культура, фактически покрывают вместе с тем и связанные с ними системы деятельности, о которых говорилось выше применительно к книге. Последние явно делятся на два класса: это, во-первых, *создание* и, во-вторых, *употребление*, центральных артефактов. Таким образом, вырисовывается ядерная онтологическая схема всех этих «чего-то -ведений»: *создание/изготовление* → *объект/артефакт* → *употребление* (артефакта в объемлющей деятельности). Важнейшей особенностью наук об искусственном оказывается категориальная разнородность их объектного поля, включающего как сами объекты/артефакты, так и разные связанные с ними типы и системы деятельности, — что, собственно, и стоит за представлением об их «комплексности». В итоге книговедение, как, видимо, и любая «комплексная наука» объединяет научные дисциплины принципиально разных типов: объектно и деятельностно ориентированные, причем вторые имеют дело с очень разнородными системами деятельности.

¹⁰Что, собственно, и характерно для «социальной инженерии» в отличие от инженерии классической.

¹¹Ельников М.П. Методология книговедения. Книга. Исслед. и материалы. — 1993, сб. 66. — С. 39.

¹²Поливанова С.Б., Щедровицкий Г.П.. Методологическая организация мышления и деятельности как условие и средство комплексной организации НИР // Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы. Ч. 2. — Свердловск, 1978.

Двойственная природа науки о книге явлена уже в известном двойственном же определении книговедения как «комплексной науки или комплексе наук о книге и книжном деле». Причем в данном контексте нет нужды обсуждать состав и структуру книжного дела: они заведомо могут представляться и представляются по-разному¹³, а здесь важен принцип. Связанные с книгой типы и системы практической деятельности простейшим образом можно разделить на два класса:

А. Относящиеся к созданию книги — письмо (писательство), редакционно-издательское дело, книжный дизайн, типографская деятельность и Б. Относящиеся к ее дальнейшему бытованию и употреблению — библиографирование, книгораспространение, чтение, критика, собирательство/библиофильство, библиотечное дело, музеефикация¹⁴.

Можно, конечно, вспоминая Н.М. Лисовского, выделить и третий, промежуточный между двумя основными класс, включающий книгописание/библиографию, а, если угодно, и книгораспространение. Это вопрос практического удобства, и здесь нет никакой проблемы: мы можем только создать ее сами, поставив вопрос об «истинности» той или иной группировки.

Все перечисленные практические занятия объединяются центральным артефактом — книгой, задающим каждому из них предметную специфику (пишут, издают, читают и т.д. не только книги, но и печатную продукцию иного рода, например, периодику). Над каждой из этих практик надстраивается своя система рефлексивного осмысления, обычно обретающая характер научной/учебной дисциплины. Среди таких деятельностно ориентированных дисциплин резко выделяется объектно ориентированная наука о книге как таковой: если угодно, *книговедение в узком значении*.

Должен, однако, признаться, что независимо от того, что мы будем называть книгой¹⁵, у меня идея книговедения, ограниченного интересом к книге как таковой, за вычетом книжного дела и истории книги, вызывает большие сомнения. Действительно, оно являло бы собой убогое зрелище: дело в том, что книга, сама по себе *не имеет самодвижения*; это мертвая «вещь», которую можно и нужно, конечно, изучать и описывать, имея в виду ее строение и структуру, но вряд ли подобное, отдельно взятое занятие при всей его важности имело бы право считаться самостоятельной наукой. И в самом деле: известные труды общего характера (И. Баренбаума, А. Беловицкой, К. Мигоня) удивительным образом свидетельствуют, что разделы, посвященные непосредственно книге, занимают там небольшое место, основное же внимание авторы уделяют именно связанным с книгой деятельности разного рода: перечисленным выше практикам; рефлексивному описанию самой науки о книге; истории — истории книги, связанных с нею практик и посвященной всему этому науки. Фактически объектом науки о книге оказывается не книга (это только, как отмечал К. Мигонь, полезное упрощение в ее наименовании), а кратко охарактеризованная таким образом «сфера книги» и развертывающиеся в ней деятельностные процессы. (То же самое, кстати говоря, относится и к истории книги.) Книга, хотя и является физическим предметом, но «живет» не в физическом пространстве, а в пространстве деятельности, только в ней оказывается центром названной сферы и важнейшим средством становления и развития человеческой цивилизации.

¹³По этому поводу существует множество работ, из которых в данном контексте наиболее интересны две (представляющие разные точки зрения): Моргенштерн И.Г. Книжное дело в единстве — главный предмет книговедения. Книга. Исслед. и материалы. — 1982, сб. 44; Динерштейн Е.А. О понятиях «книжное дело» и «история книжного дела». Книга. Исслед. и материалы. — 1989, сб. 58.

¹⁴Собственно, музеефикация оказывается естественным завершением библиофильства. См. об этом: Рац М.В. О собирательстве: заметки библиофила. — М.: 2002. — С. 202—203.

¹⁵Что характерно, так это отсутствие в книговедческой науке понятия книги. Свои взгляды на этот счет я изложил в: Рац М.В. Книга в системе общения. Изд. второе, исправленное. — М.: 2006. — С. 446—450. Ситуация здесь та же, что и с книговедением: можно до бесконечности спорить о том, что такое книга вообще и «на самом деле», но не разумнее ли задаться вопросом, как мыслить книгу в той или иной культурно-исторической ситуации?

Все это не новость, и указанное положение дел представляется мне нормальным, но требует переосмысления концепции науки о книге. А именно, кажется бесспорным, что наука о книге исторически сложилась как комплекс различных дисциплин, призванных обеспечивать новыми знаниями различные отрасли книжного дела, причем интегрирующим началом самого книжного дела и обеспечивающей его науки выступает именно книга. Более того, книга — важнейший артефакт в мире деятельности, в истории и в культуре. Но из этого вовсе не следует, что книга как таковая должна выступать центральным объектом исследования какой-то науки. Исследуется при этом преимущественно человеческая деятельность, разворачивающаяся вокруг книги и в связи с книгой («сфера книги»), чем занимаются упомянутые дисциплины¹⁶, и что, повторю, кажется мне совершенно нормальным и разумным, по крайней мере, настолько, насколько вырабатываемые при этом знания оказываются полезными для развития соответствующих практик и обогащения культуры.

В связи с этим становится понятной и постановка вопроса, в частности, обсуждавшегося, в недавней дискуссии между Э.К. Беспаловой и Н.К. Леликовой¹⁷ о возможной ведущей роли библиографии (в расширенной трактовке, объединяющей собственно библиографию в современном понимании и библиографоведение) и библиотековедения в науке о книге. И библиография, и библиотековедение на определенном историческом этапе выступали как центральные, интегрирующие и даже олицетворяющие науку о книге, но в отличие от несущего эту функцию ныне в России книговедения названные дисциплины имели (и имеют) богатое собственное содержание. В данном случае это скорее минус, чем плюс. В принципе на главную роль, пусть и с разным успехом могли бы претендовать любые «книговедческие» дисциплины, но мне кажется, что сравнительно пустое — в узком значении — книговедение лучше справляется с достаточно непростыми интегративными и представительскими функциями¹⁸.

Чтобы не разворачивать здесь обсуждения болезненной темы о центробежных тенденциях объединяемых наукой о книге дисциплин, я бы ограничился тезисом И.Е. Баренбаума, с которым солидарен: «...с одной стороны, библиотековедение и библиография рассматриваются как науки общего книговедческого цикла, а с другой — как самостоятельные дисциплины, взаимодействующие между собой. Практика показывает, что именно в данном направлении происходило развитие этих наук, в которых брали верх попеременно то идеи дифференциации, то интеграции. Однозначного решения здесь не может быть...»¹⁹ но далее, в отличие от Баренбаума, я бы не отдавал предпочтения интеграционным процессам, а считал бы разумными ситуативные решения, определяемые характером решаемых задач.

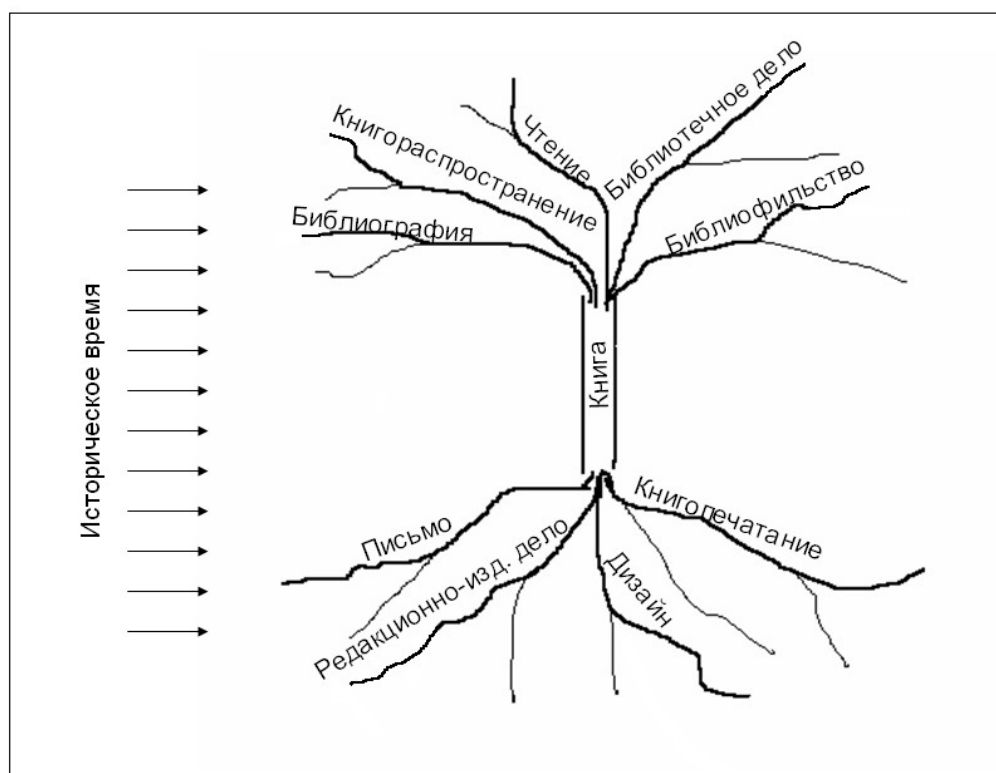
¹⁶В сущности, о том же говорил И.Г. Моргенштерн при обсуждении общей теории книговедения: «...речь может идти прежде всего о теории книжного дела, теории общественной роли книги и т.д.» (Моргенштерн И.Г. Книжное дело в единстве — главный объект книговедения. Книга. Исслед. и материалы. — 1982. Сб. 44. — С. 10). Ту же позицию занимает Г.Н. Швецова-Водка, когда пишет, что в качестве объекта науки о книге точнее мыслить не саму книгу, а «книжное дело, составными частями которого являются издательское дело, книжная торговля, библиотечное дело, библиография и другие отрасли деятельности, обеспечивающие создание и функционирование книги в обществе» (Швецова-Водка Г.Н. Единство библиотековедения, библиографоведения и книговедения восстановлено. Книга. Исслед. и материалы. — 2008, сб. 89/1-II. — С. 310).

¹⁷Сб. Книга. Исслед. и материалы. — 2007, сб. 88/1.

¹⁸Старый вопрос о том, что считать центральным артефактом в интересующей нас сфере — книгу или библиотеку, — на мой взгляд, вполне актуален. Среди прочего книга скорее ассоциируется с инновацией, а библиотека — с традицией. Случившийся — в России — исторический выбор в пользу книги достаточно многозначителен.

¹⁹Баренбаум И.Е. Н.М. Лисовский и становление книговедения в России. Книга. Исслед. и материалы. Сб. 70. — С. 41—51.

Целостную картину объектного поля книговедения можно наглядно представить как дерево, корни которого — системы деятельности, относящиеся к созданию книги, ствол — книга как таковая, а крона — системы деятельности, относящиеся к бытованию и употреблению книги в обществе. Для полноты картины можно мысленно поместить это «дерево» в поток времени (имея в виду его длительные промежутки), текущий, скажем для определенности, слева направо, и обозначить таким образом место истории книги и историй книжного дела²⁰. В таком метафорическом представлении находят свое место не только отдельно взятые книжные занятия и их собственные истории, но также их взаимосвязи и переплетения, в ряде случаев лишь недавно ставшие предметом пристального внимания специалистов. Данное представление позволяет так же четко различить два жизненных цикла книги: малый (от замысла издания до использования книги по основному назначению в обществе) и большой (включающий всю историю бытования книги вплоть до ее музеефикации)²¹. Малый локализуется в пределах «дерева», большой — относится к сфере истории. Наконец, каждый из элементов нашего «дерева» может иметь собственную социологию, а некоторые ее уже имеют: так, социология чтения или социология книги располагают более или менее значительными наработками (я имею в виду известные книги и статьи Л. Гудкова, Б. Дубина, А. Рейтблата и др.).

Схема. Книговедческое дерево: схема сферы книги и объектного поля книговедения.

Разумеется, как и всякая метафора, это «дерево» обладает преимуществом наглядности (см. схему), проигрывая при этом в точности. Достаточно очевидно, что в историческом времени его структура претерпевает качественные перемены, которые мы и привыкли связывать с понятием истории. Собственно наше «дерево» растет и развивается из некоторого «семени», но это уже другая — и столь же ограниченная в своих возможностях — метафора.

²⁰В отличие от книговедения в узком его понимании история книги, как известно, — обширное поле работы.

²¹Рац М.В. Книга в системе общения. — С. 229—230.

3.

Переосмыслить в свете всего сказанного следовало бы также отношения и связи науки о книге со смежными дисциплинами и их комплексами (в свое время анализировавшиеся К. Мигонем). Но это отдельная тема, рассмотрение которой следовало бы предварить анализом отношений и связей соответствующих практик, и я ограничусь примером, который кажется особенно актуальным: это соотнесение науки о книге с наукой о литературе²², причем именно соотнесение, а не соотношение, что подчеркивает «искусственную» составляющую в отличие от «естественной».

Исторически сложилось так, что (художественная) литература и соответственно наука о литературе, как минимум, со времен античности привлекали к себе больше внимания, чем книга и наука о ней. Соответственно несопоставимыми оказались и интеллектуальные вклады, **полученные** каждой из этих двух сфер деятельности. С моей точки зрения, это привело к интеллектуальной аннексии «законных» территорий науки о книге литературоведением (в отличие от геополитики здесь нет никакого криминала). Я имею в виду, прежде всего, комплекс вопросов, связанных с чтением: пишут, издают и читают далеко не только поэзию и прозу, а роль в нашей жизни и культуре учебной или научной литературы ничуть не меньше чем роль художественной²³. Всплеск интереса к чтению как таковому безотносительно к литературе, на которую ориентировалась рецептивная эстетика, наблюдающийся в последние годы, как будто, свидетельствует в пользу высказанного тезиса²⁴.

С моей точки зрения (и в свете сказанного выше это кажется очевидным), чтение, как и письмо — совершенно особые искусства, или практики, приложение которых к художественной литературе, — пусть и важная, но все же частность. Однако в школе обучение письму и чтению, когда они выходят за рамки складывания букв и слов, подчинено курсу литературы. Я ничего не имею против Пушкина и Толстого, но странным образом ни в одной школьной программе вы не найдете указаний на разные способы и техники чтения, необходимые, например, при чтении поэзии, с одной стороны, и школьных учебников — с другой. Я уж не говорю о различиях в чтении текстов по истории или геометрии, газетных и книжных текстов. Между тем в Америке, например, популярные книги на эту тему издавались и переиздавались еще полвека назад²⁵. Теперь к этому добавились еще особенности письма и чтения в ориентации на разные носители, прежде всего, конечно, бумагу и/или экран.

Не менее яркий материал дает критика, по идее, примыкающая ко многим из упоминавшихся ведений, например, кинокритика, театральная критика, а с некоторых пор и медиакритика («*media criticism*»), ориентированная на СМИ. Критики более или менее широко пользу-

²²Со времен издания книги К. Мигоня (1984 г., русский перевод — 1991) в этой области сделано очень много, и мне кажется, что этот материал недостаточно используется в отечественном книговедении. Сошлось на работу Л.Д. Гудкова и Б.В. Дубина «Образ книги и ее социальная адресация» (Гудков Л.Д. и Дубин Б.В. Литература как социальный институт. — М., 1994. — С. 195—258), сборник «Теория и мифология книги» (М: РГГУ, 2007), а также на подборку материалов под рубрикой «Литературная коммуникация: материальная форма и „эстетическое содержание“» (НЛЮ. — 2005. — № 73. — С. 337—367), где, между прочим, А.И. Рейтблат говорит о перспективах взаимодействия *истории* книги и литературы.

²³Кстати, наряду с наукой о книге несомненное право включить изучение чтения в свою программу имеет бурно развивающаяся в последние десятилетия наука о коммуникации.

²⁴Здесь надо отметить, во-первых, постепенное осознание роли чтения в стране как одного из важнейших факторов состояния национальной культуры (источник: <http://www.fapmc.ru/files/download/kuzmin1.pdf>), сопровождающееся ростом числа публикаций в периодике по этому кругу вопросов, и, во-вторых, появление фундаментальных работ о чтении, пусть для начала и переводных. См.: Ванхузер К.Дж. Искусство понимания текста. — Черкассы: 2007. (По-моему значение этой книги выходит далеко за рамки богословской герменевтики.) История чтения в Западном мире от античности до наших дней. — М.: 2008. Шартье Р. Письменная культура и общество. — М.: 2006 и др. Книга Шартье вдвойне интересна тем, что в значительной мере посвящена влиянию особенностей носителя текста на его восприятие при чтении. Библиофилы должны понимать это лучше, чем кто-либо другой.

²⁵Adler M.J., Van Doren Ch. How to read a book. Revised and updated edition. — New York, London: Simon & Schuster, 1972.

ются достижениями «своей» науки, но сами науками никак не являются. Наиболее известна среди них литературная критика, а вот библиокритика²⁶ так до сего времени и не сложилась. Говорю об этом, потому что не только в массовом сознании, но и в работе большинства профессионалов различие между ними не учитывается: считая, что разбирают выходящие книги, критики в подавляющем большинстве случаев анализируют только публикуемые в них произведения. Картина сколь привычная, столь и нелепая: это ведь то же самое, как если бы театральным критиком, уверяя публику, что говорит о спектакле, обсуждал только текст пьесы, или кинокритик ограничился бы обсуждением сценария²⁷.

С таким положением дел в критике тесно связана и ситуация в книгоиздательском деле. Притом, что в последние годы у нас появилась превосходная сводка норм редакционно-издательской культуры²⁸, уровень подготовки и реализации изданий, как правило, оставляет желать лучшего. Длинную череду примеров, содержащихся в упомянутой книге, можно продолжать до бесконечности, и, как ни грустно, сказанное касается также книговедческих и библиофильских изданий, которые, по идее, должны служить образцами издательской культуры, но фактически нередко являют собой примеры ее отсутствия. А издательская культура тесно связана со школьным образованием и общекультурным уровнем населения (недавно об этом писал А. Любжин²⁹), так что круг замыкается.

Приведенный материал связан с практически несуществующей дисциплиной, иногда именуемой «читателеведением». В рамках науки о книге я бы делал упор не только, а может быть и не столько на читателе — им должны заниматься психологи и социологи, — сколько на чтении, и говорил бы соответственно о чтении, или теории чтения, как это принято в литературоведении. Чтение представляет собой совершенно особое искусство и важнейшую коммуникативную технику. Искусство чтения и его возможная теория — обширная, сложная тема, и я могу здесь только обозначить ее: моя позиция по этому поводу изложена в специальных публикациях³⁰.

4.

Если обратиться к вопросу о месте книговедения в структуре науки вообще, которым был также озабочен А.Г. Фомин, то надо заметить, что сама эта структура отнюдь не остается постоянной. Признаками глубинных перемен в наше время могут служить известный лингвистический, а теперь и упоминавшийся прагматический повороты в гуманитарной мысли. На протяжении последнего столетия сформировалось и бурно развивается новое направление мысли, включающее философию диалога, и науку — коммуникативистику, или коммуникологию, призванную изучать коммуникацию, осмысленную, наконец, как основа человеческого общества. Вторая половина прошлого века отмечена возникновением новой формы организации мышления и деятельности — методологической. В итоге возникает новая картина мира, где первой реальностью оказываются человеческое мышление и деятельность³¹.

²⁶Этот термин (производный от библиологии как синонима книговедения) был предложен непосредственно в ходе критического разбора одного издания и зафиксирован в тексте рецензии. См. Рац М. «Academia»: два издательства в одной книге. НЛО. — 2005. — № 7. — С. 364—370, а так же Рац М. Книга в системе общения. — М.: 2006. — С. 205—219.

²⁷Напомню, что влиянию материальной формы книги на рецепцию ее словесного содержания посвящена упоминавшаяся выше книга Р. Шартье.

²⁸Мишель А.Э. Культура издания, или Как не надо и как надо делать книги. — М.: 2002.

²⁹Любжин А. Филология и школа. Русский журнал. — 21.07.2009, <http://russ.ru/pole/Filologiya-i-shkola>

³⁰Рац М.В. Как мы читаем. Университетская книга. — 2007. — № 4. Рац М.В., Грязнова Ю.Б. Практика свободных граждан. Независимая газета. — 12.11.2008, http://www.ng.ru/science/2008—11—12/14_citizens.html. Они же. Как нам читать. Вопр. психолингвистики. — 2009.

³¹Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. — М.: 1995.

Все это не может не сказаться на структуре науки в целом: переосмысливаются понятия прикладной и фундаментальной науки, идет подспудный пересмотр соотношения естественных и социогуманитарных наук. Как заметил когда-то К. Леви-Стросс, XXI век будет веком гуманитарных наук, либо его не будет вовсе. Очень возможно, что деление наук на две группы — о естественном и искусственном, — впервые намечавшееся лауреатом нобелевской премии Г. Саймоном сорок лет назад, приобретет совсем новое звучание, особенно в свете нового понимания категорий «искусственного» и «естественного»³². Так или иначе, законное место науки о книге в числе других наук об искусственном не вызывает сомнений.

В связи с этим требуется, конечно, обсуждение будущего книги в «информационном обществе», но это отдельная тема, по которой мне уже приходилось высказываться³³. Подчеркну только, что в такой перспективе особый интерес приобретает влияние физических особенностей медиума, в частности книги на восприятие его/ее содержания потребителем, всегда лежавшее в основе библиофильства, а в последние годы неслучайно ставшее предметом пристального внимания историков книги и культуры.

Как ни странно, при всем этом охарактеризованная выше конструкция науки о книге в значительной мере традиционна: примерно так и решается в большинстве случаев вопрос о составе и структуре книговедения. Однако непрекращающаяся дискуссия свидетельствует о том, что профессиональное сообщество не удовлетворено сложившимся положением дел. Думаю, что неслучайно, и в этом отношении сделанные уточнения и дополнения кажутся важными. Вместе с тем я подвесил бы для размышления еще один вопрос, решать который мы, по-моему, пока не готовы. Это вопрос о том, в какой мере удачна для тех или иных дисциплин квалификация именно в качестве наук. А может быть, им этот статус и вообще не к стати? Наука ведь далеко не единственная форма существования автономизирующегося рефлексивно-мыслительного обеспечения разного рода практик. Чем, по существу, хуже учебная дисциплина, система практических знаний, методика или техника³⁴? Ведь за некоторыми звонкими наукообразными названиями и не стоит ничего, кроме практико-методических знаний. Но это вопрос на будущее.

Настоящая статья посвящена другим вопросам и направлена на углубление, развертывание и уточнение существующих представлений о книговедении, его составе и структуре, с точки зрения деятельностного подхода и современной методологии науки (разумеется, в понимании автора). Мне кажется важным выявление общей онтологической схемы различных «ведений», типичным представителем которых оказывается и наука о книге, книговедение в том его понимании, которое предложено выше. В принципе структура «дерева» присуща всем наукам об «искусственном», и предлагаемый подход позволяет по-новому взглянуть на характерные для каждой из них особенности. В частности, важны отличия между науками, исследующими артефакты вещественные, как материаловедение, и знаковые, как искусствоведение³⁵. Наука о книге занимает, с этой точки зрения, особое место, поскольку книга — «кентавр-система», соединяющая в себе черты, как вещи, так и знаковой системы.

³²Саймон Г. Науки об искусственном. — М.: 1972. Рац М.В. «Искусственное» и «естественное» // Философия России второй половины XX века: Г.П. Щедровицкий. — М.: 2010.

³³Рац М.В. Книга в системе общения. — С. 430—452.

³⁴Оговорка «по существу» в данном случае принципиальна: исторически сложилась ситуация (особенно характерная для СССР), когда наука имела необычайно высокий престиж в обществе. Результатом стала, во-первых, квалификация (а чаще самоквалификация) в качестве науки едва ли не любого знаниевого обеспечения практики или даже любой, в т.ч., и никем не востребованной, но мало-мальски упорядоченной системы знаний. Во-вторых, у нас и финансирование соответствующих разработок идет, как правило, по статье «наука» независимо от их реального содержания. Думаю, что в связи с этими обстоятельствами среди прочего мы до сих пор не имеем понятия науки, и столь широкое распространение получили разнообразные квази- и лженауки.

³⁵Похоже, что здесь проходит граница между техническими и социогуманитарными науками: в некотором смысле технические науки гораздо ближе к социогуманитарным, нежели к естественным, но это, конечно, тема специального разговора.

При всем этом я отнюдь не стремлюсь дать «правильное решение» старых проблем и закончить спор. Напротив, постоянное проблематизирующее обсуждение господствующей парадигмы кажется мне признаком здоровья науки, и я очень жду обсуждения высказанных ныне (и ранее в сборнике «Книга в системе общения») идей.